

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-9-27

УДК 008

ГУМАННОСТЬ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА¹

Зассин Вольфганг,
доктор технических наук,
Мюнхенский технический университет,
Германия, 80333, Мюнхен, Арциштрассе, 21
wolfgang@sassin.at

Аннотация

Основные представления о мире и самом человеке, воплощенные в идее о едином человечестве, без сомнения ведут в тупик. Они имеют так же мало отношения к глобальной реальности, как и древние истории о сотворении мира или представление о потустороннем мире как последнем пристанище человека. В действительности планета Земля, перенаселенная и уже частично находящаяся в «аварийном» состоянии, несется во Вселенной без каких-либо долгосрочных идей о возможном спасении.

При этом человечество не в совокупности, а как множество живых существ с разнообразными возможностями и характеристиками имеет больший потенциал, чем предполагается авраамической системой верований. Непредвзятый, а главное, неэмоциональный взгляд на индивидуума во всех его проявлениях и ограничениях не только необходим, но и давно назрел, чтобы сохранить для человека будущее в реальном мире. Необходимо иное понимание процесса, который до сих пор ошибочно считается слепым эволюционным экспериментом и который по образцу древних историй о сотворении Адама и Евы и всех их потомков рассматривается как конечный этап развития жизни.

Чтобы приспособить жизнь к жестким планетарным ограничениям, следует посмотреть на эволюцию с другой точки зрения и, следовательно, по-новому написать историю человечества. В данной статье представлены некоторые соответствующие замечания. Они имеют отношение к языку как к фильтру восприятия реальности, к формулированию и использованию гуманистических ценностей как элементов властной игры, направленной на контроль коллективов людей, и к последствиям создания «искусственного интеллекта», способствующего стиранию существующих до сих пор границ между биологическими видами.

Ключевые слова: биологический вид, *homo sapiens*, гуманистические ценности, искусственный интеллект, человек, жесткие планетарные ограничения, эволюция.

¹ Перевод с немецкого А.А. Гнеся.

Библиографическое описание для цитирования:

Зассин В. Гуманность и будущее человека // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 9–27. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-9-27.

1. Местоимение МЫ в языке и связанные с ним скрытые нюансы

– *Способны ли люди освободиться от тех элементарных структур мышления, которые сформировались по мере освоения ими родного языка?*

– *Реально ли лишить эти структуры функциональности до такой степени, что будет использоваться лишь политкорректный язык?*

Ответ на эти два вопроса имеет решающее значение в контексте «ценностей» с точки зрения смысла и силы убеждения. Немногие «просвещенные», главным образом адепты и поклонники политкорректности, и главные идеологи власти пытаются привить человеку *абсолютные* ценности, позволяющие осуществлять контроль над ним.

Удивительно, что идея о равенстве всех людей «на Западе» всё еще принимается безоговорочно, хотя даже первоклассник понимает кое-что совершенно очевидное.

Ребенок изучает личные местоимения, используемые для обращения к окружающим. Этих местоимений больше, чем два, т. е. Я и МЫ. В немецком языке существует шесть таких местоимений, из которых лишь третье лицо единственного числа дифференцировано по родам: **я, ты, он/она/оно – мы, вы, они.**

Интересно, что в английском языке в этом ряду есть лишь пять разных местоимений: **я, ты (you), он/она/оно – мы, вы (тоже you), они,** при этом и здесь лишь третье лицо единственного числа дифференцировано по родам. В английском языке **you** обозначает и **ты,** и **вы** (в отношении группы людей), при этом для второго лица множественного числа в немецком языке используется личное местоимение **ИHR.** Эта с немецкой точки зрения неточность английского языка является лишь иллюзией. В действительности, когда речь идет о таких фундаментальных понятиях, как местоимения, мы наблюдаем процесс разделения индивидуумов, которые идентифицируются по своим именам (*Name* от латинского слова *nomen* как часть от *pro-nomen*). То есть «разделение» идет по разным группам, члены которых либо обнаруживают общность с говорящими людьми или же, наоборот, четкое отличие от них².

² Маленькие дети рано обнаруживают, что домашние животные или куклы обозначаются взрослыми людьми человеческими именами, и в отношении их используются местоимения ТЫ и, соответственно, ТВОЙ. К примеру, твой Тэдди бэр. Таким образом, мысленная связь с живыми и неживыми существами устанавливается на одном уровне, явные отличия нивелируются, и возникает эмоциональная общность сказочного мира. К этому наивному представлению медленно взрослеющих ранних культур относится и вымысел о рае, из которого происходят не только «человек», но и животные. Идея о разных видах восходит к представлению о покидании созданного Господом жизненного пространства для всех созданий. И не удивительно, что возникло понятие о человеке как о высшем успехе Творца.

Отсутствие отдельного лингвистического обозначения для множественного числа второго лица в английском языке (множественной формы **YOU**) говорит о том, что ангlosаксы рассматривают человеческий коллектив как сосуществование принципиально разных индивидуумов. Германцы же с личным местоимением **ИHR** для множественного числа второго лица рассматривают коллектив по аналогии с толпой/стадом, т. е. как совокупность безымянных, неидентифицированных существ.

Интересны нюансы обозначения множественного числа третьего лица в немецком и английском языках. Местоимение **ОНИ** (соответственно **SIE** и **THEY**) описывает группу людей, в которую говорящий человек себя не включает. Он признаёт эти отличия и выражает их через использование местоимения **SIE** или соответственно **THEY**. В данном случае союз *как ..., так и ...* неприменим, ибо речь идет либо об одних, либо о других, т. е. более или менее чужих друг другу индивидуумах.

В других языках это разделение проявляется еще больше. Например, в китайском существуют разговорные языки и письменный графический язык иероглифов. Китайские иероглифы связаны с визуальными символами и не имеют звукоподражательной, акустической привязки. В данной связи особенно интересен пример древнеегипетских иероглифов и их влияние на представление о реальном мире. Имеется в виду именно представление не об абстрактных и открытых для интерпретации разговорных понятиях, а о совершенно конкретных образах. В стандартных формах ранних иероглифов обнаруживаются следы разных культурных корней тех племен, которые переселились из высохшей после последнего оледенения Сахары в долину Нила и там, пользуясь единым языком, стали египтянами [2].

В языке, согласованном с Декларацией прав человека, следовало бы последовательно избегать использования местоимения множественного числа третьего лица – **ОНИ**. В контексте утопического представления о том, что все люди равны, есть лишь **Я** как часть всеохватывающего **МЫ** во всех языковых системах мира.

Если следовать идее такого рода гуманистов до конца, следовало бы запретить даже местоимение **Я**. О человечестве можно было бы говорить, используя лишь местоимение **МЫ**. Индивидуум жил бы в этом идеальном состоянии, в этом желанном архаичном рае, в котором человек массы был бы аналогичен телесной клетке в человеческом организме.

Справедливо ли приписывать мышечной клетке способность нервной клетки сигнализировать о состоянии организма как чего-то целого? Или, может быть, эта «утопия о равенстве» ведет и к определению различных видов бактерий как неотделимых частей организмов-хозяев? Ведь без бактерий не может жить ни одно животное. Они, как и кишечная палочка,

незаменимы для обмена веществ в кишечнике. Будучи безъядерными клетками, они живут в симбиозе с организмом хозяина и отчасти обеспечивают усвоение пищи. Такие штаммы фактически являются взаимозаменяемыми и при этом существенно отличаются друг от друга в каждом человеческом организме.

Дело в том, что некоторые «гуманисты» желают закрепить в конституции и достоинство животных с целью восстановления изначального наивного рая. И очевидно, что они сознательно хотят забрать у человека его особенное положение, полученное после того, как он вкусил плод с дерева познания. Это «познание» подтолкнуло многих, но ни в коем случае не всех людей к контролю над флорой и фауной на планете, к сознательному истреблению тех видов, которые были и остаются *опасными*, как, например, «достойные сожаления» крупные хищники или «сорняки», которые существенно уменьшают базу продовольственного снабжения для миллиардов людей. Сегодня нетронутые природные ландшафты являются редкостью. Многие из того, что большинство людей считают естественной природой, на самом деле является культурными ландшафтами: луга, пастбища, регулируемые водные потоки, интенсивно используемые лесные массивы. Многие не осознают того, что их просто не было бы, если бы не происходило этого покорения природы.

Все вышеупомянутые факты не предаются огласке, дабы не волновать широкие массы. Совершенно очевидно, что гуманистические обоснования всегда служили для различных форм господства над людьми. В данном случае они являются *conditio sine qua non. Pluralis Majestatis*, множественное величия, – это местоимение множественного числа **МЫ**, используемое в речи о себе монархами и другими высокопоставленными сановниками. Высшей точкой проявления такой позиции является фраза Людовика XIV «государство – это я!». В ней отражается узурпация отдельными «клетками» права говорить от лица всех и решать судьбы масс людей. Идет ли в данном случае речь о жизненной необходимости, без которой не могут выжить большие «сообщества», – это еще вопрос. Достаточно представить, в каком положении оказались бы сегодня владельцы смартфонов, если бы их аппараты оказались нефункциональны. Из тех, кому ныне меньше 40 лет, практически никто не смог бы воссоздать систему связи с проводами и коммутаторами, которые сто лет назад могли спасти целые армии от полного уничтожения.

Это именно то самое **МЫ**, из которого складываются толпы, нуждающиеся в управлении. Угнетение, а именно санкционирование индивидуального поведения, в гуманистической системе ценностей обосновывается не с оборонительной точки зрения (наличие врагов), а с точки зрения активного взаимодействия («любовь к ближнему»). Это совершенно есте-

ственно приводит к необходимости появления политкорректного языка. Диктатуры (термин происходит от понятия «тот, кто главный (имеет право голоса)»), таким образом, легко узнаваемы по используемой лексике, по речам о добре и ценностям альтруизма.

Любой правитель изображает любовь к своему народу, пользуясь этими психологически глубоко закрепленными структурами. Таким образом он легитимирует свою власть не столько морально, сколько эмоционально, с целью использования и поддержания этой власти над толпой и для сокрытия необходимости использования «неморальных средств». Вспомним постулат Мао Цзэдуна: «Убей одного и будешь контролировать сто людей!». Этим принципом также неизбежно руководствуются и представители «демократических» обществ, в которых преимущество всегда у одной партии или определенной коалиции партий, т. е. фактически лишь у части общества. Эти «представители целого» утверждают, например, что президент представляет интересы всех, даже тех, кто отвергал его планы и программу в ходе предвыборной кампании. В этом смысле местоимение **МЫ** является одним из самых действенных инструментов, оно гораздо эффективнее виселиц, распятий или гильотин.

Уже в детском саду лингвистические манипуляции создают бесспорные преимущества, которыми предусмотрительно пользуются «поборники прав человека». Они, если присмотреться внимательнее, всегда являются идеологами власти. Уже в детских яслях, в которые приводят малышей, еще не владеющих языком, через использование соответствующей лексики прививается образ мышления, способствующий превращению индивидуумов в обезличенные компоненты глобального человеческого сообщества. Неудивительно, что именно тоталитарные режимы способствовали эмансипации женщин и созданию детских яслей, в которых закладывались психологические основы для «гитлерюгенда» или «пионерской организации». И примером этому может служить не только недавняя история Германии. В истории Европы, Африки и Азии можно обнаружить аналогии с сообществами муравьев и термитов. Именно в этом, по всей видимости, и заключается отдаленная цель активистов всех мастей – создание «справедливого» социального государства через равенство всех. В немецком языке одно время использовался соответствующий термин (*Gleichschaltung*)³.

Интересно, что борцы за равенство полов в своем стремлении к «справедливости» попросту запутывают язык. Разумеется, они используют иную

³ От переводчика: *Gleichschaltung* (нем.) – унификация, процесс насильственного приобщения к господствующей идеологии национал-социализма государственных, политических и общественных организаций или их отстранения от участия в политической жизни с целью создания диктаторского режима одной партии – Национал-социалистической рабочей партии Германии.

стратегию, нежели избегание по возможности различных определенных артиклей или местоимений. В немецком языке есть слова *учитель/учительница, профессор/профессорша, министр/министерша*. Показательно, что эти суффиксы, отражающие половую принадлежность, неприменимы к осам или муравьям, носорогам или слонам, и, что интересно, они также не применяются к слову *мигрант*. Ну, уж это никуда не годится! Если рассуждать в контексте политкорректной унификации человечества, идея равенства была бы не просто дикою, но и отрицанием реальности, да и вообще эволюции в целом.

Непредвзятый взгляд на развитие человеческого языка и его влияние на мышление делает очевидной необходимость пересмотра господствующих ныне представлений не только о развитии человека, но и о сложнейшем процессе под названием «эволюция жизни».

2. Заявление о существовании вида *homo sapiens* – это, по сути, декларация претензии на господство

– *Значит, утверждение о принадлежности каждого индивида к единому виду «Человек» лишь ошибка или смелая гипотеза?*

– *II является ли понятие «вид» чем-то большим, нежели классификационным термином для обозначения единства индивидуальных особей? Следует ли считать в таком случае термин «вид» лишь искусственным конструктом, источник которого следует искать в архаичных мифах о сотворении мира?*

Оба вопроса указывают на давно назревшее уточнение господствующего представления об эволюции. Это представление не дает ответа на вопрос о первой и важнейшей причине физического изменения живых организмов. Каждому изменению в физическом строении живого организма обязательно предшествует изменение в среде его обитания. Без «когнитивной» способности каждого вида живых организмов воспринимать влияние извне и приспосабливаться к нему путем защиты или агрессии не может быть развития новых физических (т. е. телесных) качеств и способностей.

Вот почему закон *Survival of the fittest* («Выживает сильнейший») имеет смысл только тогда, когда под ним понимается превосходство ума (информация и ее обработка) над телом. В противном случае волки, медведи, тигры, слоны и носороги давно бы питались преимущественно людьми и контролировали бы плотность популяции человека.

Следовательно, способность обрабатывать информацию в значительной степени определяет, какие способности передаются от поколения к поколению. Этот закон действует на всех ступенях эволюции: от одноклеточных до человека. Способность к обработке информации определяет не только выбор партнера при спаривании, но и то, какой *индивидуальный* опыт и какие способы поведения могут быть переданы потомству. Только при условии передачи информации из поколения в поколение в кон-

тексте трудностей природной (а также общественной) среды справедливо говорить о том, что Дарвин называл отбором. Сложность при этом всегда представляет тип ситуации, информацию о которой не удастся обработать в достаточной мере. Термин «естественный отбор», к сожалению, указывает лишь на отбор по каким-либо внешним данным. С этой точки зрения особи, у которых умственные и физические данные развиты слабее, оказываются в менее предпочтительном положении, и их дальнейшее размножение ограничивается, если вовсе не прекращается.

При господстве концепции естественного отбора возможность особи улучшить шансы на выживание и успешное размножение благодаря особым качествам отступает на задний план. Более того, использование термина «отбор» подразумевает отсутствие возможности для особей изменить внешнюю среду в свою пользу и создать себе новую нишу без возникновения неблагоприятных условий для других особей и без последующего появления обязанности «делиться» друг с другом. Так, использование огня рассматривается как ключ к расширению источников питания *homo sapiens*. Здесь важно отметить, что огнем научились пользоваться не только виды, принадлежащие к гоминидам (т. е. группе «предков человека»). Как достоверно известно с недавних пор, огнем «пользуются» также некоторые черные коршуны, коршуны-свистуны и бурые соколы. Они специально разносят горящие ветви кустарников на дальние расстояния, чтобы выгнать добычу из укрытий и легче поймать ее [1]. Интеллектуальное развитие и его согласованное использование для достижения стратегических целей не является качеством, характерным только для человека. Напротив, интеллектуальное развитие – это не зависящая от вида категория. Однако в отличие от телесных качеств она не имеет относительно простого теоретического основания и поэтому до сих пор не выбрана упорядочивающим критерием для дифференциации живых организмов.

Без сомнения, в этом многоступенчатом эволюционном процессе представление о **НАС** определяет то, как отдельные дееспособные элементы могут соединяться в единое функциональное целое и становиться таковым. Это возникающее целое потенциально превосходит способности и возможности отдельных участвующих элементов, но данное целое ни в коем случае не является видом, т. е. средневзвешенным значением определенных физических элементов. Понятию вида не хватает, если можно так выразиться, «мыслительного» измерения. Если выражаться научно, это понятие не определено с точки зрения разнообразной обработки информации. Именно информация и ее обработка, а не материальный субстрат интеллекта определяют жизнь и отличают ее от неодушевленной материи.

Чтобы осознать это, достаточно взглянуть на совместную работу разных индивидуумов: это могут быть взаимодействующие люди, речь может идти и о совместной работе людей и животных. Рабочие сообщества такого рода всегда в опасности, когда один из его членов своим выбыванием или проблемным поведением создает сложности для существования других участников совместной работы/действий.

Именно через возникающую *экзистенциальную взаимозависимость* в контексте плодотворной совместной работы возникает *равноценность*. Одной из чреватых последствиями логических ошибок прошлых и современных культур являлось и является подчинение этой равноценности членов намеренно созданного коллектива и, что еще хуже, приписывание этим членам необходимости и воли к совместной работе, таким образом, присваивание понятию «вид» положительной «ценности», своего рода качества.

Сообщества равноценных особей, несомненно, возникают не только среди представителей одного вида. Интересно заметить, что они возникали и между человеком и другими животными и, более того, были ключом к развитию человечества. Так, лошадь никогда не стала бы «партнером» человека, если бы сопротивлялась хозяину или всаднику во время тяжелой работы или поддавалась панике в битве. То же относилось и относится к возможным паническим реакциям человека в случае, если его лошадь оказывается в опасности и вследствие этого подвергает опасности его самого. Без подобного взаимодействия разных биологических видов развитие кочевых и земледельческих культур было бы просто невысказано.

Если такое составное целое включает элементы, объединяющиеся и принимающие друг друга только при определенных условиях и для совместной пользы, то его возможности неисчерпаемы. Для дальнейшего успешного функционирования это целое должно освободиться от особей, своей жизнедеятельностью отягощающих жизнь в сообществе или даже угрожающих ему своим деструктивным поведением. Это целое должно, однако, активно отделяться и от «передовых» элементов, чтобы они могли действовать и развиваться самостоятельно и создавать новые сообщества. В сообществах, не развивающихся в сторону самостоятельности, а стремящихся к интеграции, часто возникают разобщения поколений, тем более если это установленные законом человеческие общности. Это важно, поскольку индивидуальные особи обладают как положительными, так и отрицательными способностями, зачастую превосходящими способности рассмотренных выше сообществ, в состав которых входят разные виды. История человечества полна как положительных, так и резко отрицательных примеров подобных случаев.

Способность создавать альтернативные «картины» внешней реальности является индивидуальным качеством. Никогда фундаментально новые

знания и открытия не являлись плодом трудов научных школ. Не «греки», а Аристотель, не «англичане», а Ньютон, не «немцы», а Кеплер заложили основы новых знаний. Список этих личностей достаточно длинный, без него сегодня на планете не жило бы 7,5 миллиарда людей. Существование этих 7,5 миллиарда является не просто результатом рождения, а закономерным следствием того, что предыдущие поколения не умерли от голода, холода и болезней. Эти поколения сохранились благодаря открытиям Либиха, Гальвани, Вольты, Фарадея, Пастера и позднее Эйнштейна и Ноймана.

Следует отметить, что не только младенцы и дети, но и все без исключения взрослые люди выражают эмоции, реагируют на чрезвычайные ситуации и проявляют инстинктивные стадные чувства. Общим для всего живого на Земле является наследие древней обработки информации. Но это лишь необходимая, но ни в коем случае не достаточная основа для долгосрочного успеха в истории жизни на этой планете. Животные также характеризуются определенными индивидуальными характеристиками, переросшими это наследие. Рациональная обработка информации и функционирование сознания являются способностями, которые могут иметь лишь индивидуумы, а не сообщества или тем более целые общества, состоящие из чрезвычайно разнообразных типов сообществ. Индивидуальные способности отдельных элементов таких обществ отличаются друг от друга так же сильно, как отличаются друг от друга биологические виды в плане физических характеристик. Это тем более относится к их умственным характеристикам, т. е. к способности обрабатывать информацию и общаться с другими индивидуумами, имеющими аналогичные способности. Каждая форма общения предполагает существование определенных разграничительных порядков в информационном пространстве, в котором функционируют в высшей степени разнообразные «виды». В контексте эволюционного процесса это приводит к решающему вопросу о том, каким образом вообще получают индивидуумы, проходя цепочку от яйцеклетки до эмбриона, затем от эмбриона до новорожденного и, наконец, до молодого человека.

Богатый опыт, накопленный современной медициной, знания в области изучения работы человеческого мозга, прикладной психологии, особенно в науках о средствах массовой информации, – всё это показывает значение влияния информационной окружающей среды на индивидуумов и их «интеграцию» в господствующую систему взглядов. Попытка познать эту систему делает из индивидуумов аутсайдеров, так показывает история. Люди, говорящие о культурной открытости, защищаются, как правило, именно от духовной открытости. Они не признают риски, связанные с узостью их собственного мышления.

3. Конфликт между вымыслом о Едином человечестве и Индивидуумом как основой продолжения жизни

• *Последствия опраметчиво допущенного или активно осуществляемого смешения и последующей интеграции различных культур и языков*

Если воображаемое целое, а именно сообщество, которое, как считается, базируется на общих ценностях, попытается интегрировать чуждый элемент, «гуманистически» окружив его заботой, вместо того чтобы сохранять дистанцию, в том числе и информационную, то может случиться, что популяция этого уже признанного «нечуждым» элемента будет настолько быстро размножаться, что в конечном счете разрушит «целое».

Хотя политкорректным гражданам это трудно признать, следует помнить следующее. Эпидемии распространяются только в сообществах потому, что иммунная система некоторых членов сообщества не обладает достаточным количеством антител. Их организмы, как «гостеприимные хозяева», предоставляют среду обитания болезнетворным бактериям или вирусам, что и способствует их размножению.

В более широком смысле важно, чтобы культуры рассматривались как непрерывный репродуктивный процесс. Культуры не являются стационарным, гарантированным умственным «капиталом», просто передаваемым по наследству. Каждое новое поколение должно заново вырабатывать *свою* культуру. И чем более развита культура существующего сообщества, тем труднее подрастающему поколению достичь тех высот, на которых осознаются возможности и границы культуры.

При отрицании необходимости этого культурного взросления каждое современное общество, членам которого приписывается практически с рождения статус равенства, страдает, если можно так выразиться, коллективной слепотой. Она выражается в принципах типа «один человек – один голос» или в идее о том, что молодежь способна к созданию лишь «молодежных культур».

Именно это фундаментальное непонимание культуры в современных западных обществах после катастрофы развязанных ими мировых войн привело к свержению, если можно так выразиться, «советов старейшин», т. е. подлинной аристократии, и к революции пролетариата. Власть взяли низы. Это было сделано предшественниками левых и зеленых. Неудивительно, что многослойные революции, в конце концов, ударили по их же апологетам. Люди, участвовавшие в протестных движениях 1968 года, ныне беспокоятся о пенсиях и безбедной старости, поскольку молодежь, выросшая на их же идеях о почти безграничных свободах и, что еще более важно, широких правах, не имеет понятия об обязанностях.

И это еще не всё. В результате комфорта, обусловленного стремительным развитием техники, не только физическое развитие молодых стало

оставлять желать лучшего, но и увеличились случаи слабоумия у стариков. Это ослабление молодого и пожилого поколений характеризует так называемые социально справедливые общества потребления. Последнее можно подытожить следующим провокационным вопросом. Когда речь идет о «власти народа», имеется ли в виду власть существ, которые считаются равными лишь по причине наличия у них двух рук, двух ног и одной головы и веса, в среднем составляющего 65 кг? Или же, говоря о власти, правильнее было бы сделать акцент на *духовном* капитале этих биологических субстратов, имеющем непосредственное отношение к их знаниям, умению и опыту? Как следовало бы определить народ, если акцент делался бы на *sapiens*, а не на *homo*?

Перед лицом фундаментальных общественных изменений, которые произошли в течение жизни трех последних поколений, образование ныне представляется процессом, который можно понять лишь как проявление метаморфоз нейронных структур, включенных в процесс обработки информации. Этот процесс не имеет более ничего общего с непрерывной передачей знаний, умений и опыта от старших к младшим в условиях «статической» цивилизации. В более сложной глобальной цивилизации лишь немногие «люди в возрасте», в смысле умудренные опытом «носители культуры», могут заниматься образованием молодых людей. На это не способны молодые родители, которые еще не добились ведущего положения в мире, основанном на разделении труда и системе перераспределения, в которой они не разбираются. Современные государственные системы образования управляются, как правило, фактически неопытными «молодыми людьми». Эти выпавшие из времени «образовательные системы» не способны адекватно подготовить молодежь к будущим вызовам. Образовательные реформы имеют прямое отношение к глобальному общественному эксперименту, результат которого едва ли кто-нибудь в состоянии оценить (речь идет о процессе, в котором путь стал целью).

Лишь немногие по-настоящему зрелые личности способны понять, что их поведение, предпочтения и ценности коренным образом меняются на протяжении жизни. Осознать это не способны и общества, которые пытаются идентифицировать себя при помощи «вечных» законов и конституций как «множество равных». Только в зрелом возрасте приходит осознание того, что раннее образование и его последующий рациональный пересмотр в условиях реального мира мало-помалу ведут с точки зрения мышления к формированию *другого существа*. Очевидны существенные отличия не только между старостью и молодостью, эмоциональным и рациональным, но и между людьми с разным уровнем развития и имеющими разный культурный опыт.

«Обретение зрелости», представляющее собой фундаментальное изменение личности, относится к стадии элементарного мыслительного становления. Оно начинается с фундаментальной перестройки мозга эмбриона в «мозг нового типа», который соответствует таковому у взрослого культурного существа. Можно провести аналогию с превращением гусеницы в бабочку. Бабочка представляет собой существо, которое, имея те же самые гены, что и предшествующая ей гусеница, характеризуется совершенно другим эволюционным уровнем развития, совершенно другими органами чувств и имеет, в сравнении с гусеницей, совершенно другие возможности.

Из гусениц не «выращивают» бабочек, и другие бабочки не учат их, как нужно развиваться. Во время метаморфозы почти все клетки «изначальной» гусеницы заменяются. Эта серьезная перестройка, которая запускается и управляется на гормональном уровне, способствует появлению новых органов будущей бабочки. Подобные процессы протекают в каждом сложном многоклеточном организме на ранней стадии его «возникновения». Из группы недифференцированных, плюрипотентных исходных клеток эмбриона развиваются различные специализированные клетки. Они делятся и формируют органы, почти автономные подсистемы. Как ДНК в клетках гусеницы не отличается от ДНК клеток возникшей из нее бабочки, так и ДНК в различных типах клеток человеческого зародыша не отличается от ДНК клеток полностью развившегося организма, включая нейроны, из которых состоит мозг. Серьезное отличие наблюдается в строении синаптических связей в мозге приблизительно на третьей неделе эмбрионального развития и в развитом мозге после пубертатного периода.

Где же «спрятана» информация, превращающая гусеницу в бабочку, а группу нейронных клеток – в «готовый» человеческий мозг? Происходит ли это превращение мгновенно, как при коротком замыкании, или постепенно, но с ускорением, которое позволяет процессам, некогда занявшим миллионы лет, вновь и вновь повторяться в течение нескольких дней, недель или месяцев? По-видимому, верно последнее.

Очевидно, неверно интерпретировать эволюцию как процесс, начавшийся очень давно, необратимый и не подлежащий никаким «отклонениям» от генерального направления от бактерии к человеку. Эволюция протекает в течение жизни каждого отдельного существа и при этом непрерывно, с непостоянной скоростью и довольно резко разняющимися результатами.

С чисто физической точки зрения зародыш, взаимодействуя с материнским организмом, проходит многие стадии эволюции человека (homo). Немного позже, сразу после рождения, он претерпевает своего рода биологическую метаморфозу, поскольку от полного обеспечения всем необ-

ходимым он вынужден перейти на режим самостоятельного дыхания и пищеварения. Ему приходится вырабатывать собственные биологические ритмы и способность к восприятию еще пока чужого ему внешнего мира под влиянием собственного физического и социального окружения.

Если в этом процессе развития (точнее говоря, эволюции) возникают проблемы с гормонами, человек развивается физически неправильно. Если проблемы возникают в общественном окружении, человек оказывается ограниченным с ментальной точки зрения. Оба случая являются отклонениями от той нормы, которая позволяет причислять особь к виду *homo sapiens*.

Таким образом, не гены как таковые имеют решающее значение в становлении способностей, а именно их упорядоченное и верное «использование». Это зависит сначала от материнского организма, потом от родного языка и культуры, полученной через этот язык, и, наконец, от конкретных требований и вызовов, с которыми человек сталкивается в своем непосредственном окружении. С рядом требований человек сталкивается уже с рождения, а какие-то вызовы он принимает по своей воле.

Таким образом, выхолащивание культуры путем распространения вседозволенности, отрицание дифференциации по уровню знаний и культуры, создание иллюзорных представлений о возможностях – всё это элементы эволюционной блокады человеческого будущего. Перечисленные факторы прерывают или замедляют эволюционный процесс развития *homo sapiens* в самостоятельно думающего и действующего индивидуума. Они способствуют тому, что человек становится в той или иной степени членом (элементом) толпы равных, а именно существ с потенциально равными шансами, но с далеко не равными надеждами на успех.

• *Предвидимые и непредвидимые последствия цифровой репрезентации «внешнего» мира*

Возникновение цифрового искусственного интеллекта делает видимыми взаимосвязи размерностей, которые соответственно не являются ни узнаваемыми, ни контролируемыми.

По мере разделения труда в оседлых родовых общинах возникли не только конфликты интересов, но и началась конкуренция между членами. В этих условиях сформировались зачатки того, что позднее стало называться индивидуумом. В этом длительном процессе становления самостоятельной личности решающую роль играла возможность создавать собственные запасы и защищать их от других членов коллектива, живших всё еще по принципам охотничьих групп и распределявших добычу согласно «социальным» потребностям. В условиях экономики, основывающейся на обмене, а не только на распределении, появилась необходимость идентификации отдельных людей, т. е. присвоения им личных имен. Постепенно

но процесс обмена товаров выходил за пределы кланов и родов, возникали территориально закрепленные пространства, служившие зародышами правовых государств. Совершенно естественно, что на этих пространствах закон мог действовать только тогда, когда все становились «субъектами права». Только в этом случае наказания за нарушения общепризнанных правил эффективны.

После замены рабочих животных механизмами впервые появилось производительное имущество, «сжигающееся» невозобновляемыми ископаемыми ресурсами. В результате в распоряжении человека оказалось много природных богатств, доступных ранее только животным. Площади, занятые под сельскохозяйственные нужды, увеличились в период с 1800 до 1900 г. примерно вдвое. Появились новые леса, которые были массово выкорчеваны до времени Наполеона. Индустриальная революция создала механические производительные потенциалы, в сравнении с которыми меркнет мощь самого *Tyrannosaurus Rex*. Результатом явился современный капитализм. Правовые субъекты, подчиняющиеся правилам крупных предприятий и контролируемые государством, были здесь кстати. Всё это привело к небывалому росту, материальный оборот на душу населения вырос экспоненциально. То же самое касается и количества людей, способных пережить бедность и болезни, несмотря на постоянные войны.

Возникла глобальная и, что очень важно понимать, универсальная сеть передачи данных⁴. Информация как центральный ресурс и в то же время основное средство поддержания власти более не локализована географически, поскольку произошел переход на цифровую ее форму. Таким образом, происходит размывание традиционного понимания правового пространства.

Еще больших последствий следует ожидать от того, что из-за цифрового интеллекта небиологических субстратов *de facto* возникло новое существо, новый «вид», не похожий ни на что до сих пор созданное «природой». Эти «чужаки» не просто появились на планете Земля, а стали неотделимой частью цивилизации, которую сам *homo* и создал и от которой стало зависеть само его существование. Цивилизация на цифровой основе (а в этом контексте и все доступные знания с их потенциалом и последствиями применения) не может более управляться и контролироваться человеком.

Если провести сравнение с революциями в цивилизациях прошлого, то можно использовать следующую аналогию. Элиты индустриального, тем более информационного общества вдруг оказываются в положении, сравнимом с таковым у всадника и коновода, когда вначале появилась бо-

⁴ Больше половины всех грамотных уже используют Интернет. Примерно 50 % трафика Интернета приходится на два языка: английский и китайский.

евая колесница, а позднее танки и тракторы. Всадник не может объективно оценить реальный (и разрушительный для него!) потенциал этих новшеств ни тактически, ни стратегически. И хотя цифровые чужаки сделаны не из внеземных материалов, а мы сами их произвели, человек не в состоянии ни правильно оценить этот полностью чуждый ему интеллект, ни осознать его конкурентный потенциал.

Уже сегодня умные чипы и их программное обеспечение могут сами себя воспроизводить с помощью вспомогательной рабочей силы, в роли которой выступают люди. Человек не может изменить архитектуру чипа или проверить его на предмет ошибок без помощи компьютера, т. е. эти «чужаки» удовлетворяют практически всем критериям самовоспроизводящегося вида.

4. Будущее

Конец идеи о самоуверенном виде, покоряющем планету, вполне очевиден, учитывая основные черты цивилизационного развития homo. Если «МБ» будет продолжать рост во всех отношениях, материальном и информационном, то неудачей завершится не только эта идея, но и любая другая, сопряженная с ней.

Пусть это и неприятно признать, но всё еще верно следующее утверждение: семь миллиардов человек имеют меньшую ценность, чем будут иметь восемь миллиардов, а восемь – меньшую, чем когда-нибудь десять и, возможно, двадцать миллиардов.

Homo sapiens с этой самооценкой и с подкрепляющей ее цивилизационной установкой на развитие (тупииковое, скорее самоуничтожение) загоняет себя в угол, как это произошло с тем homo, который ранее обслуживал животных и машины в борьбе против своих вооруженных конкурентов. Захватнические войны велись в первую очередь с целью преодоления физического ограничения собственных жизненных пространств за счет конкурентов. Ограничение происходило через уплотнение жизнедеятельности человека на следующей, более эффективной ступени развития цивилизации.

С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что концепция «нам нужен каждый новый человек» привела к чрезмерному росту локальных, а позже региональных популяций. Между тем планета является конечным и нерасширяющимся жизненным пространством, на котором всеобщий рост популяций должен привести к активному или пассивному сокращению численности приблизительно равных по силе конкурентов. Если посмотреть несколько отстраненно, то общие «права человека» дают обоснование для захватнических войн, как бы абсурдно это ни звучало. На новой – цифровой – ступени развития цивилизации чужаки, только кажущиеся прирученными, не могут играть роль богов, способных

обеспечить для homo сценарий нового творения. Более того, миллиарды людей скатятся на ступень развития, на которой находились охотники и собиратели с их принципом социального распределения добычи, которую они не создавали сами, а лишь могли присваивать. У этих миллиардов не будет другого выбора, как жить по принципу древних римлян «Homo homini lupus est».

Осознание того, что гуманистически обоснованный количественный рост численности человечества приведет в результате к коллапсу безграничного правового пространства, логически подводит к мысли о создании цивилизационных резерваций как выходе из этой коллизии. Гуманность организации этих резерваций должна быть качественной целью развития homo, но путь к ней лежит через жесткие физические ограничения, а не через гуманитарную помощь извне. Представление о достоинстве как своего рода Божьем подобии, если распространять его так же, как фиктивные ценности, которые сегодня центральные банки раздают в виде кредитов, является фатальной ошибкой, как и вымысел о виде homo sapiens. И то и другое – элементы давно состарившихся идеологий, и в данном случае речь идет о гарантированном вымирании тех, кто недостаточно развивается интеллектуально и должен приспособливаться к ограничениям, возникающим в результате развития техники, что бы этому развитию ни способствовало⁵.

⁵ В частности, обнародование информации о двух ключевых слабых звеньях в системе безопасности (речь идет об аппаратных уязвимостях Spectre и Meltdown) способствует пониманию того, что «трансчеловеческие» технологии восприятия, представленные как «чужаки», т. е. большие объемы данных плюс алгоритмы высокой производительности, являются собственностью (и *возможностью*) небольшой группы частных предприятий. Возможности и результаты использования этих «ментальных инструментов» не являются всеобщим достоянием и не могут им стать. Их нельзя контролировать «демократически». Думается, что распустить эти предприятия и разделить их «возможности» так же нерационально, как раздавать купоны на образование или знание, полагая, что таким образом уровень образования и знаний возрастет.

Не только этот пример делает очевидным то направление, в котором движется sapiens. Ситуация существенно проясняется, если задаться вопросом о том, на каком языке могут общаться люди и цифровые чужаки в разговоре о метаструктурах, обнаруживать которые способны лишь последние. Для человека эти метаструктуры недоступны ввиду отсутствия соответствующих чувствительных элементов и из-за невозможности контроля над ними.

Еще до появления таких чужаков идея о разделяемом всеми понимании состояния планеты и человечества была иллюзией. Кто бы мог два миллиона лет назад не только предсказать, но и вообразить, что отдельные индивидуумы рода *homo* будут когда-нибудь дальше развиваться и эволюционировать? Кто бы мог 500 лет назад предвидеть то, как фундаментально человек сможет изменить непостижимо большую и по большей части *неизвестную* планету? И кто сегодня понимает возможности и риски, связанные с открытиями квантовых феноменов, с реальностью пространства и времени, с открытием ДНК и тем более с нечеловеческим интеллектом?

Анализ фундаментальных изменений *условий глобального человеческого бытия* представлен в отчете независимой евразийской исследовательской команды WE? – *The Dark Side of Evolution (МБ? – Темная сторона эволюции)*. Этот отчет доступен с осени 2017 года.

Литература

1. Intentional fire-spreading by «Firehawk» raptors in Northern Australia / M. Bonta, R. Bosford, D. Eussen, N. Ferguson, E. Loveless, M. Witwer // Journal of Ethnobiology. – 2017. – Vol. 37 (4). – P. 700–718. – doi: 10.2993/0278-0771-37.4.700.

2. Hannig R. Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Deutsch-Ägyptisch (2800–950 v. Chr.). – Mainz: Philipp von Zabern, 2000. – 1753 p. – (Kulturgeschichte der antiken Welt; Bd. 86).

Статья поступила в редакцию 04.02.2018 г.

Статья прошла рецензирование 27.02.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-9-27

HUMANITARIANISM AND THE FUTURE OF MAN

Sassin Wolfgang,

Dr. of Sc. (Engineering),

Alumnus Technical University Munich,

Arcisstraße 21, Munich, Bavaria, 80333, Germany

wolfgang@sassin.at

Abstract

The main concepts of our World and of Man, embodied in the idea of the One Humanity, undoubtedly lead to a dead end. They are as closely related to the global reality as ancient legends describing the creation of our world and concepts of an afterlife as the last refuge of the human soul. In reality, planet Earth, overpopulated and partially damaged, is floating in the Universe without any long-term plans for its difficult and painful salvation.

Nevertheless Man, not mankind as a kind of meta-organism, but as a totality of living beings with various abilities and characteristics, has a much higher potential than that attributed to it by the Abrahamic system of beliefs. An unbiased, and, more importantly, an impartial approach to the Individual in all his manifestations and limitations is not only necessary, but is overdue, in order to preserve the future «for humans» in the real world. A new understanding of the very process is needed, which is still mistakenly considered to be a blind experiment and which, implicitly copying the pattern of the archaic story about Adam and Eve and their descendants, is viewed as the final stage of the evolution.

In order to adjust life to the rigid planetary limitations, it is important to view the evolution from another standpoint, and, therefore, to revise the history of the Man. In this essay, some relevant comments are presented. They are related to the human language as a filter of reality perception, to formulation and usage of humanistic values as elements of a power game, meant to control human collectives and the consequences of creating «artificial intelligences», which blare the presently existing boundaries among biological species.

Keywords: species, *Homo sapiens*, humanistic values, artificial intelligence, the Man, rigid planetary limitations, evolution

Bibliographic description for citation:

Sassin W. Humanitarianism and the Future of Man. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 9–27. doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-9-27.

References

1. Bonta M., Bosford R., Eussen D., Ferguson N., Loveless E., Witwer M. Intentional fire-spreading by “Firehawk” raptors in Northern Australia. *Journal of Ethnobiology*, 2017, vol. 37 (4), pp. 700–718. doi: 10.2993/0278-0771-37.4.700.

2. Hannig R. *Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Deutsch-Ägyptisch (2800–950 v. Chr.)*. Mainz, Philipp von Zabern, 2000. 1753 p. *Kulturgeschichte der antiken Welt*. Bd. 86.

The article was received on 04.02.2018.

The article was reviewed on 27.02.2018.